

О Л Ъ Г А Д А Ш К О В А

SOS
SEX: СПАСИТЕ
от соседа

18+

Ольга Дашкова

SOS Спасите от соседа

<https://litres.ru/74075253>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда стена между квартирами рухнула в пятницу вечером, Мария Юрьевна Зайцева стояла без полотенца, а подполковник Макаров – без лишних слов.

Так начинается история о том, как два совершенно разных человека оказались по разные стороны цветастого пледа на гвоздях – и обнаружили, что стены вообще-то необязательны.

Она учит детей истории и встаёт с третьего будильника.

Он пережил три командировки и ведёт блокнот с правилами, которые сам же нарушает.

Ирония, страсть, война стикерами и один нарцисс под дверью.

Иногда главное – чтобы рухнуло что-нибудь нужное.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ольга Дашкова

SOS Спасите от соседа

Глава 1

В субботу утром случилось эпохальное событие. С двумя сумками, тремя коробками и таким оптимизмом, который был совершенно не пропорционален происходящему, я въехала в свою первую собственную квартиру.

Сумки были тяжелые, коробки готовы были съехать друг с друга прямо на лестнице, лифта в пятиэтажке не было как явления природы, а ключ с первого раза не повернулся. Пришлось подергать, поднажать и произнести короткое слово, которое я никогда не произношу вслух в школе, потому что все-таки педагог.

Но дверь открылась, я вошла, встала посреди пустой однокомнатной квартиры на третьем этаже и сказала вслух:

– Моя прелесть.

Просто чтобы проверить, как звучит. Получилось неплохо.

Квартира оказалась немного меньше, чем на фотографиях в объявлении, это, честно говоря, универсальный закон для недвижимости и вообще для жизни. Я была готова к этому теоретически, но не совсем готова на практике.

Коридор был такой ширины, что с сумками пришлось заходить боком, кухня напоминала купе поезда, из которого убрали одну полку. А единственное окно в комнате задумчиво смотрело прямо на кирпичную стену соседнего дома, как будто изучало ее много лет и уже сделало все возможные выводы.

Зато своя.

Розетка в ванной не работала, это выяснилось в первые двадцать минут, когда фен отказался включаться, и вся моя концепция утренних сборов дала трещину. Окно на кухне открывалось только по особому алгоритму: сначала дернуть ручку вверх, потом ударить ладонью по раме снизу и одновременно сказать что-нибудь убедительное.

Этот способ я нашла опытным путем после четырех неудачных попыток и одного случайного возгласа, который, видимо, оказался достаточно убедительным. Батарея в комнате грела только с левой стороны и по ночам издавала утробные звуки, как будто внутри нее жил кто-то мелкий, недовольный и принципиально ночной.

Открыла новый блокнот, красивым почерком написала сверху «список дел» и после каждого пункта поставила восклицательный знак. Для боевого настроения.

Соседскую квартиру я изучила в первый же день, просто потому, что теперь это мой дом и я имею право знать, что происходит рядом. Дверь напротив, старый дерматин, тишина. Ни звуков, ни движения, ни запаха чужой еды из-за две-

ри, ни случайных шагов за общей стеной. Только плотная и очень убедительная пустота с той стороны.

На всякий случай я приложила ухо к своей стене. Ничего. Тишина. После трех лет, проведенных в съемной комнате у хозяйки, которая приходила проверять мой холодильник с видом следователя прокуратуры, после года в общежитии на четверых и полугода на диване у подруги Тани эта тишина казалась мне почти неприличной роскошью.

Главное, чтобы так и оставалось.

Погладила стену ладонью, немного торжественно, немного глупо и пошла разбирать коробки.

Три дня были идеальными. Это единственное точное слово «идеальными», и я не собираюсь его менять. Я пела в душе во весь голос, не оглядываясь на жанр и здравый смысл: романсы, советская эстрада, прилипчивая поп-песня, которая засела у меня в голове еще в августе и, судя по всему, собиралась остаться там до пенсии.

Ходила по квартире в шерстяных носках с помпонами и коротких шортах и танцевала посреди кухни просто так, без всякой причины, потому что могла и хотела. Проверяла рефераты вслух, разговаривала с учебниками, спорила на странице триста семнадцатой.

И однажды (о, ужас!) в половине первого ночи съела полпачки овсяного печенья прямо у открытого холодильника, глядя в его освещенное нутро с видом человека, принимающего важное жизненное решение.

Никто не заходил проверить, как там холодильник. Никто не просил убавить музыку. Никто не интересовался, когда я приду и почему так поздно.

Вот она, взрослая жизнь. Наконец-то!

Тем временем в школе шла своя, отдельная война. 11 «Б» в этом году подобрался особенный, не в смысле умный, а в смысле самоуверенный, что при семнадцати годах часто одно и то же.

Они смотрели на меня с той специфической снисходительностью, с какой смотрят на человека, который старше их всего на шесть лет, но при этом стоит у доски с указкой и требует уважать причинно-следственные связи в истории.

Ворошилов был особым экземпляром, высокий, с ямочками на щеках и полным отсутствием педагогического пиетета, в понедельник он поднял руку и спросил, не хочет ли Мария Юрьевна объяснить ему Смутное время в кафе после занятий, потому что, видите ли, ему лучше усваивается материал в неформальной обстановке.

Класс засмеялся. Я посмотрела на Ворошилова долгим взглядом человека, за плечами которого педагогический университет и твердые представления о субординации.

– Ворошилов, – спокойно сказала, – Смутное время закончилось в 1613 году. У тебя есть шанс, что твое личное «Смутное время» закончится гораздо раньше, если ты откроешь параграф двадцать второй и перестанешь острить там, где нужно думать.

Класс снова засмеялся, но уже по-другому. Ворошилов открыл двадцать второй параграф и больше в этот день не проявлял инициативы.

Маленькая победа. Засчитаем в актив.

Шла домой в хорошем настроении, март, весна, смотрела на свое окно на третьем этаже, оно было темное, потому что я еще не успела зайти, и думала, что вот оно, начало нормальной жизни. Своя квартира, своя работа, своя батарея с характером и свое окно, которое открывается только после долгих уговоров. Все правильно, все по плану.

На четвертый день вечером я сидела на кухне, проверяла контрольные работы и тихо страдала над сочинением, в котором ученик написал, что Петр Первый «сильно модернизировал Россию и вообще старался изо всех сил». Сделала пометку на полях, налила себе чаю и в этот момент услышала какой-то звук.

Со стороны соседней квартиры.

Я замерла с кружкой в руке.

Подождала. Снова звук: негромкий, четкий, деловой. Кто-то передвигал что-то тяжелое. Методично, без лишнего шума, как будто у человека был особый план и он спокойно ему следовал.

Наверное, риелтор показывает квартиру, решила я и вернулась к Петру Первому.

Но звуки не прекращались. Там явно кто-то всерьез обустроивался, я слышала, как передвигают мебель, как прове-

ряют кран на кухне, как открывают и закрывают дверцы шкафов. Все тихо, все по-деловому, без музыки, без телефонных разговоров, без каких-либо признаков эмоциональной жизни.

Серьезный человек, – подумала я с легким беспокойством. – Или очень скучный. Или и то, и другое одновременно.

Убедила себя, что это ничего не значит. Сосед, это просто сосед, люди годами живут рядом и не знают друг друга в лицо, это нормально, такова городская жизнь, все будет хорошо. Допила чай, убрала тетради, почистила зубы, легла и устала в потолок.

Тишина за стеной стала другой, не пустой, а наполненной. Там кто-то был. Кто-то лег спать примерно в то же время, потому что звуки стихли почти сразу после того, как я выключила свет.

Может, аспирант. Или программист, который работает из дома и ложится в десять. Или кто-то, кто большую часть времени проводит в командировках и редко бывает здесь. Или просто тихий. Просто тихий – это ведь не так уж много, правда?

За стеной было тихо.

Закрыла глаза.

Пока тихо.

Глава 2

Вернулся в пятницу вечером. поставил сумку у двери, огляделся и подумал, что квартира встречает меня с той же степенью энтузиазма, с которой встречает всегда, то есть никак.

Запах нежилого помещения, перегоревшая лампочка в коридоре, на подоконнике дохлый кактус, которого я просил соседку снизу поливать раз в месяц. Соседка, милая бабулька этажом ниже, судя по всему, восприняла «раз в месяц» как творческое задание, а не как инструкцию.

Выбросил кактус, нашел запасную лампочку, вкрутил ее, поставил сумку в комнате и пошел варить кофе.

Семь месяцев, семь месяцев я мечтал об этом кофе. О тишине. О том, чтобы никуда не надо было.

Кофе сварился. Тишина присутствовала. Никуда действительно было не надо. Сел, сделал глоток и решил, что жизнь в целом удалась.

Квартира за стеной была пустая, это я определил сразу, профессиональная привычка читать пространство раньше, чем успеваешь об этом подумать. Никаких звуков, никакого движения, никаких признаков присутствия.

Хорошо. Последний сосед – мужик лет пятидесяти – слушал шансон по воскресеньям с таким чувством, будто исполнял его сам и лично пережил каждую песню. Пустая кварти-

ра за стеной казалась мне после семи месяцев командировки наградой, которую я честно заслужил.

В субботу разобрал вещи, протер полки, выкинул все, что завалилось в холодильнике еще с осени, и составил список необходимого. Список получился короткий и конкретный, как и должны быть все правильные списки: кофе, крупы, мясо, лук, батарейки, новый кактус – последний пункт я потом зачеркнул и написал рядом «не надо».

Ночью спал как убитый, что после семи месяцев в условиях, которые не принято описывать в частных разговорах, было совершенно предсказуемо.

В воскресенье утром встал в шесть, сделал зарядку, принял душ, сварил кофе и подумал, что вот она, нормальная жизнь. Тихая, упорядоченная, предсказуемая. Никаких сюрпризов.

В воскресенье вечером за стеной кто-то появился.

Услышал сначала возню на лестнице, звук коробок, короткое сдавленное слово, которое барышни обычно не произносят вслух, но иногда все-таки произносят, когда думают, что никто не слышит. Потом хлопнула дверь. Потом – тишина минут на десять, и я уже решил, что это был просто случайный человек, риелтор или еще кто-нибудь, кто пришел и ушел.

Потом за стеной запели.

Это было неожиданно.

Не тихо мурлыкали, не фоново включили радио, а имен-

но запели, в полный голос, с чувством, с явным намерением получить от процесса максимум удовольствия. Репертуар был эклектичный: что-то романсовое плавно перетекло в советскую эстраду, советская эстрада перетекала в поп-хит, который я слышал из каждого магазина еще прошлым летом и который, судя по всему, собирался жить вечно.

Сидел с кружкой кофе и слушал.

Молодая, – определил по голосу. – Темпераментная. Живет одна, судя по тому, что поет так, будто ее никто не слышит. Не знает, что ее слышат.

Достал блокнот и написал: «Соседка. Поет. Проблема №1».

В понедельник утром, в шесть пятнадцать, я делал зарядку в абсолютной тишине, как обычно. В шесть сорок семь за стеной заорал будильник. Я посмотрел на часы. Подождал.

Будильник орал. Потом замолчал, я вернулся к отжиманиям. В шесть пятьдесят два – снова. Снова замолчал. В шесть пятьдесят семь был третий раз, и вот тут за стеной, наконец послышалось движение, сонное бормотание и звук человека, который встает не потому что хочет, а потому что третий будильник, то уже какое-то неприличие.

Записал в блокнот: «Три будильника. Встает с третьего. Проблема №2».

Вечером соседка проверяла тетради. Это я понял по характерным интонациям: возмущенным, усталым, иногда искренне изумленным. За стеной шел примерно такой моно-

лог: «Семенов, ну ты серьезно? Ты серьезно считаешь, что Куликовская битва – это где-то под Курском? Семенов, я в тебя верила», – пауза, – «нет, уже не верю, исправь». Потом долгое молчание, потом: «О господи, Соколов. Соколов, ты меня когда-нибудь убьешь, просто не сразу».

Учительница, – записал я. – История, судя по Куликовской битве. Молодая, судя по тому, что еще удивляется.
Проблема №3.

Вторник прошел в том же режиме: три будильника, пение в душе, тетради с комментариями вслух. Я исправно вел журнал, пил кофе и говорил себе, что это терпимо. Люди живут рядом и не мешают друг другу, это норма, это городская жизнь, у нее своя жизнь, у меня своя, все будет нормально.

В среду утром я столкнулся с ней на лестнице.

Она выходила из квартиры в тот момент, когда я возвращался с пробежки, и вот тут я, человек, который привык оценивать обстановку быстро и точно, обнаружил, что семь месяцев командировки это, оказывается, срок.

Ей было года двадцать три, не больше. Рыжая – не крашенная, а настоящая, темно-медовая копна волос собрана в небрежный пучок, из которого в разные стороны торчали пряди с видом полной независимости.

Большие очки в тонкой оправе, короткие домашние шорты, она, судя по всему, только что выскочила за чем-то к почтовым ящикам и белая майка на тонких бретельках. Ноги длинные. Все остальное тоже было на месте и в полном по-

рядке, и майка сидела именно так, как сидит майка ранним прохладным утром, и я все это отметил за примерно полторы секунды раньше, чем успел себе запретить.

Девушка посмотрела на меня поверх очков. Я посмотрел на нее.

– Вы сосед?

– Да, – сказал.

– А, – сказала она, и ушла обратно в квартиру.

Дверь закрылась. Я стоял на лестнице еще секунды три, потом зашел к себе, встал посреди коридора и методично досчитал до десяти.

Рыжая. Длинные ноги. Майка. Семь месяцев.

Лег на пол и сделал сорок отжиманий. Помогло. Временно. Я записал в блокнот: «Соседка. Рыжая. **Проблема №4 – основная**».

Потом подумал и зачеркнул. Не потому что неправда, а потому что если это написано, это как будто существует официально, а мне не нужно, чтобы это существовало официально. Мне нужно, чтобы за стеной жил тихий нейтральный человек без длинных ног и без этой майки, который не поет в душе и встает с первого будильника.

Вечером соседка снова проверяла тетради. Я сидел на кухне, пил кофе и читал. Потом за стеной раздался смех. Она явно наткнулась на что-то совсем уж выдающееся в чем-то сочинении. Смех был негромкий, абсолютно непосредственный смех человека, которому никто сейчас не смотрит в ли-

цо и который поэтому не контролирует реакции.

Я поймал себя на том, что слушаю. Встал. Лег на пол. Еще сорок отжиманий.

Это будет проблема, – думал я, считая. – Это уже проблема. Это проблема, у которой наверняка есть имя, рыжие волосы, длинные ноги, идеальная грудь и три будильника, а еще она живет за стеной, и ничего с этим не сделаешь.

Двадцать. Двадцать один. Двадцать два.

За стеной она говорила что-то своему Соколову про Наполеона – с таким личным разочарованием, как будто Соколов и Наполеон были знакомы и первый подвел второго непосредственно.

Тридцать восемь. Тридцать девять. Сорок. Встал, умылся холодной водой, посмотрел на себя в зеркало.

– Макаров, – сказал своему отражению вслух, – ты прошел семь месяцев в таких условиях, о которых не принято рассказывать. Ты справлялся с вещами, которые большинству людей и в голову не придет себе представить. Ты взрослый мужик тридцати восьми лет с выдержкой и здравым смыслом.

Отражение смотрело на меня с умеренным скептицизмом.

– Это просто соседка, – добавил.

За стеной она засмеялась снова. Вернулся на кухню, долил кофе и открыл блокнот на новой странице. Написал сверху: «Правила» – и долго смотрел на пустой лист.

Потом написал единственный пункт: «*Не смотреть на соседку*».

Подумал.

Дописал: «*Совсем*».

Глава 3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.